

**Роман Ларса Густафссона
«Смерть пчеловода» в зеркале повести
Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича»**

В шведской литературе XX в. есть два заслуживающих особого внимания отклика на знаменитые экзистенциальные сюжеты русской классики. Это роман Яльмара Сёдерберга «Доктор Глас» (1905), написанный под впечатлением «Преступления и наказания» Ф. Достоевского, и роман Ларса Густафссона «Смерть пчеловода» (1978), в котором выстраивается уникальная смысловая параллель с повестью Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича». В русских произведениях экзистенциальные переживания героев моделируются от третьего лица, и, как известно, особую концептуальную значимость имеет «авторский голос». Однако обе шведские версии представляют собой дневниковое повествование. Примечательно, что в подобных экстремальных сюжетах — планирования убийства-возмездия, ожидания собственной смерти — подчеркнутая выраженность «я» главных героев вполне соответствует древнескандинавской культовой воинской установке: постараться не утратить личный контроль над собой и роковой ситуацией до самого конца. В шведских романах-дневниках фиксируется, насколько сознание героев, дающее читателю постоянный отчет, способно на подобный стоицизм. Цель данной статьи — сопоставить сюжеты романов Л. Толстого и Л. Густафссона и выявить культурные различия художественных моделей сознания персонажей, погруженных в сходные экзистенциальные переживания.

Истории Ивана Ильича Головина и Ларса Леннарта Вестина отстоят друг от друга почти на сто лет, при этом героев можно назвать ровесниками: им, соответственно, сорок пять и сорок лет. Первый — член Судебной палаты, ведущий семейную и светскую жизнь согласно статусу, второй — бывший учитель, одиноко живущий после развода в небольшой усадьбе на лоне природы и разводящий пчел. Неизлечимая болезнь обрушивается неожиданно и провоцирует Ивана Ильича впасть в полную зависимость от мнѐ-

ния врачей, а его шведского «двойника» — сжечь нераспечатанный конверт с окончательным диагнозом. Обреченные на смерть герои ведут себя очень по-разному, но модели их сознания определяются одними и теми же концептами: «боль», «одиночество», «другие люди», «прошлое», «детство», «Бог», «смерть».

- «Боль»

Персонаж Толстого сенсорно не развит, и тем сильнее его телесная беспомощность в период болезни. Он прислушивается к происходящему «внутри», но физические изменения в своем теле способен представить себе лишь абстрактно как что-то «страшное, новое и... значительное»¹, что сопровождается невыносимой болью и ведет к смерти. Иван Ильич абсолютно деморализован болезнью, ищет врачебной поддержки и плачет от страха и бессилия.

Куница (таково неслучайное прозвище шведского персонажа), наоборот, естественный, «лесной» человек. Ощущения телесного недуга и боли превращаются в дневнике пчеловода Куницы в удивительные и страшные сенсорные зарисовки. Кроме того, этому герою предстоит создать и философию боли. Однако оба — и беспомощный герой-обыватель Толстого, и самодостаточный шведский герой-стойк — под конец будут обречены на сходные по силе мучения, причину которых пчеловод опишет как «чудовищную, немыслимую, добела раскаленную, безликую силу»². Во власти этой силы — подорвать тонкое и разностороннее общение Куницы с природой и с самим собой.

- «Одиночество». «Другие»

Неизлечимая болезнь обрекает Ивана Ильича на одиночество, на противопоставление «себя умирающего» и «других», «всех остальных». Трагедия толстовского героя в том, что, заболев, он осознает бездарность своей жизни и службы и фальшивость отношений с родными и коллегами, его будет изводить ненависть к жене. Масочное многолюдье вокруг Ивана Ильича, плохо скрываемое ожидание близкими его смерти до предела обострят его несамодостаточность и желание, «чтобы его, как дитя больное, пожалел бы кто-нибудь»³. Спасителем Ивана Ильича окажется буфетный мужик Герасим, у которого есть дар простоты, естественности и ду-

шевности общения. Больной найдет в Герасиме удивительную сиделку, и ему удастся немного облегчить свои страдания.

Герой романа Густафссона, как говорилось выше, уже до болезни гармонично живет в одиночестве в лесной усадьбе. Его жизнь может служить иллюстрацией противоречивому высказыванию: «Шведы больше любят природу, чем людей»⁴. Свое творческое медитативное устройство он будет полагать полноценным противником болезни, боли и смерти, поэтому и не станет читать письмо с окончательным диагнозом. Словно в духе древнескандинавского стоицизма, герой напишет: «...я как бы взял все на себя. Мне предстоит сражаться в одиночку, мне предстоит моя собственная смерть»⁵. Языческая сущность Куницы позволит ему между приступами боли наслаждаться прогулками с собакой по лесу, вчувствоваться в наступление весны, практически забыть о «внешнем» мире и не нуждаться в контактах с «другими» до самого конца. Лишь для двух детей, которые случайно забредут в его владения, Куница сделает исключение: для них он сочинит «сказку о боли» (эти дети — своего рода образ читателя дневника). Однако перед смертью физические метаморфозы приведут пчеловода к трагическому ощущению: болезнь и боль изменяют жизнь тела настолько, что Куница, человек-одиночка, ощутит себя словно под их контролем и в этом увидит «унизительное, постоянное напоминание о том, что одиночество невозможно...»⁶

• «Прошлое». «Детство»

Иван Ильич до болезни полагал, что живет «хорошо и приятно», но на экзистенциальном фоне прожитая жизнь покажется ему совершенно бессмысленной. Это окончательно подорвет душевные силы героя: он почувствует, что не только слаб и не справляется с испытанием, но что в его «жалкой жизни» вообще нет ничего, чем можно было бы утешиться, что хотелось бы вернуть. Лишь когда-то давно, в детстве, как осознает Иван Ильич, «больше было и добра в жизни, и больше было и самой жизни»⁷.

Куница, который, в отличие от толстовского героя, является духовно наполненным персонажем, тоже признается, что все сюжеты прошлого, кроме детства, во время болезни обесцениваются. Но это связано вовсе не с тем, что детство вспоминается идиллически, ведь зрелая жизнь Куницы была вполне гармонична.

Объяснение следующее: наблюдая за переменами в своем теле, герой сравнивает эти переживания с подростковым стыдом («...именно от боли я вновь становлюсь по-детски одиноким и самодостаточным»⁸). Кроме того, когда-то, именно в детстве, для того чтобы доплыть до берега, Кунице и его отцу пришлось вычерпывать ледяную воду из дырявой лодки. Герой напишет об этом как о своей стоической инициации: «...это вычерпывание показалось мне тогда символом всей жизни, хотя я и был совсем еще маленьким мальчишкой»⁹.

- «Бог»

Герою Толстого, слабому человеку с неразвитыми душевными качествами, инстинктивно присуще желание обвинить Бога («Он плакал о беспомощности своей, о своем ужасном одиночестве, о жестокости людей, о жестокости Бога, об отсутствии Бога»). В его обращенных к Богу вопросах: «Зачем Ты все это сделал?.. Что я сделал Тебе, за что?..»¹⁰ — по-детски выражены обида и непонимание. Страх и тоска Ивана Ильича усилены еще и тем, что «он и не ждал ответа и плакал о том, что нет и не может быть ответа»¹¹. В этих бесконечных муках, телесных и эмоциональных, толстовский герой доживает до своего предсмертного часа, до неожиданно благостного озарения.

Решивший сопротивляться смерти в одиночку, Куница, уже осознавая, какой страшной будет физическая боль, все равно напишет: «...никого в этом не упрекаю! Никого!»¹² Поначалу этот герой способен удивительно гармонично вести свое сражение с болезнью, однако на последней ее стадии, как уже говорилось выше, ему предстоит философское потрясение: он почувствует свое «я» униженным и уничтоженным полной зависимостью от умирающего тела («Мерзко — быть отданным на произвол идиотской слепой боли... загадочного внутреннего распада, идиотского и наглого, какова бы ни была его причина»¹³). Произойдет следующее: естественно-природная, пантеистическая, гармоничная картина мира Куницы исказится под воздействием предсмертной философии. В поле размышлений героя попадет Создатель, которому никак невозможно быть благодарным за подобный опыт распада. Стоический настрой Куницы найдет свое последнее приложение: «Если Бог существует, задача человека — быть Его отрицанием. Мы начнем сначала. Мы не сдадимся»¹⁴.

- «Смерть»

Перед смертью, после трехдневной агонии, с Иваном Ильичом произойдет удивительная метаморфоза. Он неожиданно откликнется на поцелуй своего сына-гимназиста, затем впервые вместо ненависти испытает жалость к жене и искреннее желание освободить свою семью от страданий: «...я мучаю их... им лучше будет, когда я умру. <...> ...Зачем же говорить, надо сделать»¹⁵. Толстой изобразит чудо: больной не просто примет неизбежность смерти, но окажется примиренным с жизнью и с собой. Это первое и последнее незгоистическое и одухотворенное решение принесет Ивану Ильичу избавление от страха смерти («Страху никакого не было, потому что и смерти не было. Вместо смерти был свет»¹⁶). «Какая радость!» — последние слова толстовского героя; эти слова обладают какой-то сверхэнергетикой, они гармонизируют сюжет повести и читательскую рецепцию.

Шведский сюжет получит иное завершение. Бросая вызов Богу, «суровому и... злобному Отцу»¹⁷, теряя природно-тонкое ощущение бытия, Куница окажется во власти философского глобализма и станет производить космические фантазмагии, посвященные Божественной Сущности. Последние дневниковые записи (перед приездом «скорой помощи») будут содержать богоборческий протест, желание надеяться на свои силы и полное безысходности убеждение в том, что слово «я» окончательно потеряло смысл.

- «Язычество». «Христианство»

Болезнь и ожидание смерти привели ничем не примечательно-го, слабого героя Толстого к просветлению, а гармоничного и сильного в разных смыслах персонажа Густафссона — к философской катастрофе. Испытание, выпавшее на долю обоих героев, относится к разряду тех, что обладают наибольшей экзистенциальной силой. В русской классической традиции спасительный выход — православное озарение, обретение веры в бессмертие и способности на незгоистическую любовь. Иван Ильич в самый последний момент оказывается приобщенным к этой традиции и поэтому спасенным.

Скандинавский мир, чей языческий менталитет был мало совместим с духом христианства¹⁸, оказался насильственно крещенным. Его подсознательная ориентация на хуторскую «природно-аскети-

ческую» культуру и исторически сложившаяся необходимость формализовать жизнь по законам чуждой этому миру христианской традиции породили сложное противоречие. В судьбе Куницы это противоречие обернется трагедией. Почему так произойдет? Языческому по своей глубинной сути, стоическому сознанию героя в конце концов не хватит личных и природных ресурсов, чтобы примириться со своим медленным умиранием. В самый экзистенциально сложный момент, когда человеку, обладающему подлинно христианским восприятием мира, свойственно искать высшей поддержки, Куница вступит в противоборство не с Богом даже, а с культурным штампом «Бог», который в системе ценностей героя является чем-то совершенно чужеродным, противоестественным, несущим не избавление, а сложные философские страдания. Герой шведского романа окажется деморализован не болезнью и страхом смерти, а стоическим отрицанием Бога, и, в отличие от Ивана Ильича, он не сможет гармонизировать свой душевный разлад.

История Ивана Ильича — это сложный путь духовного прорыва, происходящего, можно сказать, вопреки человеческому потенциалу самого героя, но благодаря культурной цельности его сознания и естественной восприимчивости к христианским архетипам. История Куницы — это трагическая модель утраты гармоничного мироощущения в экзистенциальной ситуации, до предела обостряющей культурную раздвоенность скандинавского сознания и неорганичность для него христианских архетипов.

---

¹ Толстой Л. Смерть Ивана Ильича // Собр. соч. : в 12 т. М., 1958. Т. 10. С. 160.

² Чеснокова Т. А. Шведская идентичность. Изменение национального менталитета. М., 2008. С. 99.

³ Толстой Л. Смерть Ивана Ильича. С. 171.

⁴ Чеснокова Т. А. Шведская идентичность... С. 104—105.

⁵ Густафссон Л. Смерть пчеловода. М., 2000. С. 82.

⁶ Там же. С. 139.

⁷ Толстой Л. Смерть Ивана Ильича. С. 181.

⁸ Густафссон Л. Смерть пчеловода. С. 81.

⁹ Там же. С. 103.

¹⁰ Толстой Л. Смерть Ивана Ильича. С. 178.

¹¹ Там же.

¹² Густафссон Л. Смерть пчеловода. С. 89.

¹³ Там же. С. 185.

¹⁴ Там же. С. 186.

¹⁵ Толстой Л. Смерть Ивана Ильича. С. 188.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Густафссон Л. Смерть пчеловода. С. 156.

¹⁸ Хлевов А. А. Предвестники викингов. СПб., 2002. С. 183—184.

Larissa A. Nazarova

**Space and time images
in the tragedy “Winterset” by M. Anderson
and their role in the main conflict’s revelation**

The name of M. Anderson, an American playwright pertaining back to the beginning of the 20th century, became familiar to the Russian reader only a short time ago. In 1998 a collection of his plays with a detailed introductory article by V. Voronin was published; and in 1995 the well-known producer M. Zakharov staged “The King’s Games” based on Anderson’s tragedy “Ann of the Thousand Days” in Lenkom Theatre, Moscow.

Meanwhile in the playwright’s homeland, his name is known nowadays only to professional critics and theatre’ connoisseurs. The author, who was called of “the king of the American scene in the 30-s”, whose talent was acclaimed higher than E. O’Neill’s, is mentioned in modern reference books and encyclopedias just as “the only influential 20th century dramatist writing with the blank verse”¹.

One of the most prominent plays by Anderson, his visiting card, seems to be the tragedy “Winterset”, which appeared in 1935. It is then that both critics and spectators had highly praised the creative experiment of the author, who hoped that the appearance of the work has proved the possibility of developing *ad exemplum* classical drama expressed in verse on the XXth century theatre stage. The writer, who believed in present viability of Aristotle’s concepts of the tragic and the laws of constructing the tragedy as described in “The Poetics”,